

ВЫПУСК

429-й

Театр «Современник», возникший вскоре после XX съезда партии, стал знаменем времени, а его организатор — человеком легендарным... Соролет служит искусству **Олег Николаевич ЕФРЕМОВ** — народный депутат СССР, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Государственных премий, первый секретарь Союза театральных деятелей СССР, художественный руководитель МХАТа (сцена в проезде Художественного театра) — сегодняшний гость нашей 13-й страницы.

— Олег Николаевич, чем отличается Ефремов нынешний от Ефремова времен «Современника»? Какие чувства вызывают у вас воспоминания о тех годах?

— Если говорить о собственном ощущении, то в ту пору у меня не было — даже моментами — состояния одиночества, какого-то вакуума. Мы все делали сообща: вместе боролись за спектакли, вместе принимали решения, мне никогда не приходилось за что-то отвечать одному. Вот такого единения с другими сейчас... ощущаю меньше. Хотя это вовсе не означает, что я нахожусь в беспросветном мраке. Пессимизм, с моей точки зрения, состояние в чем-то патологическое. Конечно, у каждого бывают моменты депрессии, связанные с различными причинами, но все равно я убежден, что человек обязательно должен во что-то верить, на что-то надеяться, куда-то и к чему-то стремиться.

— В вашей творческой судьбе немало драматичных моментов, конфликтных ситуаций. К примеру, разделение Художественного театра. Преодолев те или иные трудности, всегда ли вы ощущали себя победителем?

— Смотря о каких трудностях говорить. Думаю, моих сложностей, кроме меня, не знает, пожалуй, никто.

Как я их преодолеваю? Не всегда, может быть, удачно. Порой болезненно, мучительно. А вот те трудности, которые вроде бы на миру... После показа по телевидению документального фильма о наших «делах» в Художественном театре мне выражали сочувствие, писали письма. Отнесем такую реакцию на счет таланта Марины Голдовской, автора фильма, — это была, очевидно, ее цель: так она собрала, смонтировала материал. Что ж, в произведении должен быть какой-то конфликт, иначе не заденешь зрителя. Но те акценты, которые расставлены в фильме, не были для меня первостепенными.

— В истории с разделением МХАТа многие уловили скандальную ноту, и только.

— У нас, куда ни посмотри, все оборачивается немножечко скандалом. Мы не умеем спорить. Великие ученые, как и значительные политические противники, дискутировали страстно, едко, зло, но в этом обязательно присутствовал определенный уровень культуры, интеллект. Сегодняшние аргументы в споре, даже когда они принимают форму не скандала, а, скажем, исповеди или поучения, — как правило, удивительно иракобесны. Думаю, это наша главная беда, корни которой в глубокой бескультурности, невоспитанности, неинтеллигентности.

Владимир Ильич Ленин говорил о том, как трудно строить новое общество в такой неразвитой стране, как Россия. И

ведь были предприняты первые шаги, чтобы люди научились хотя бы читать и писать. Но постепенно вопросы культурного развития отодвигались на задний план и, наконец, ушли совсем. Я говорю об этом не свысока, поскольку и себя причисляю к поколению достаточно некультурному. Наше образование было односторонним, слишком политизированным. Многие сознательно отсекалось, было закрыто для доступа; широта взгляда считалась делом ненужным. В результате даже самые прогрессивные вещи делались у нас как-то непрогрессивно, что ли.

Сейчас вроде бы поняли: остаточный принцип в бюджете должен быть ликвидирован. Но как ликвидировать «недостаточность» в голове, в генах? И хотя какие-то сдвиги намечаются, пока это происходит в основном на словах. Не зря, думаю, важнейшим моментом, беспокоящим и волнующим, по-моему, всех без исключения, стал Всесоюзный съезд работников народного образования: от нашего учительства зависит многое.

— В обювлении качей жизни значительная роль принадлежит театру. Как в связи с этим вы определяете репертуарную политику МХАТа?

— Убежден: не мысль, не проблема рождает образ, а, наоборот, живой образ вызывает у зрителей мысли. В начале этого сезона я поставил пьесу Людмилы Петрушевской «Московский хор». Петрушевская открылась для меня поразительным автором. Чем, к примеру, труден и прекрасен Чехов? Он бесконечен, как жизнь. У Петрушевской, как и у Чехова, каждый характер, каждый персонаж имеет свое подробное и точное прошлое. Знает, что ему делать, — а без прошлого и будущего, без корней и целей нет характера, нет и человека! Вот такую драматургию — драматургию жизни — хочется видеть сегодня на сцене. Поэтому у нас в репертуаре появились «Кабала святош» Булгакова, пьеса польского драматурга Мрожека «Портрет» и горьковские «Варвары». Удивительно современна

пьеса «Варвары» — современная проблемой страшного бескультурья и радикализма; речь в ней идет о том, как непростно изменять, обновлять жизнь.

Мы репетируем еще два классических произведения. Это «Борис Годунов» Пушкина и «Вишневый сад» Чехова. Могу сказать, почему. Когда путаются, меняются, сталкиваются общественные и эстетические представления, не хотелось бы участвовать в гонке, словно старался вытаскать нечто наиболее красивое и модное (такие «периоды» я уже проходил — мысленно или как-то иначе). Наоборот, надо «уцепиться» за что-то основополагающее, фундаментальное. Пушкин дает мне главный ориентир. В его произведениях выражается основа гуманизма, которого так не хватает в наши дни (впрочем, и Пушкина, оказывается, можно ставить авангардно, и тогда от него мало что останется).

— Ваш МХАТ в его сегодняшнем качестве существует второй сезон. К чему вы стремитесь и от чего хотели бы убежать единомышленников, да и самого себя?

— В Художественный театр я пришел около двадцати лет назад, когда почти ничего не осталось от того, что было заложено Станиславским. Предстояло возратить главное — живой театр. Артистический мир очень сложен, особенно мхатовский, определенным образом воспитанный. Иногда нелегко быть до конца открытым, сказать актеру: «Знаешь, ну, не выходит у тебя роль, не получается», — это воспринима-

ГОСТЬ
13 *страницы*

ОЛЕГ ЕФРЕМОВ

ется, как кровавая обида! Больше бы раскованности внутри театра, да и мне самому быть открытее с другими. Хватит осторожничать! Слишком много времени ушло на дипломатию...

Чрезвычайно важно, чтобы МХАТ почувствовал себя увереннее по всем статьям. Этой уверенности пока нет — ни у меня, ни у труппы. Мы многое еще не умеем — с точки зрения строительства театра. И даже в профессиональном смысле. Не все, конечно. Недовольны собой бывают, как правило, редкие люди искусства.

Внутри человека обязательно должна идти работа, только тогда он может стать художником. Не хвалюсь, но эту неудовлетворенность я ощущаю в себе очень сильно. И хочу, чтобы она поселилась в нашей труппе, — пусть это стимулирует старания вывести Художественный театр на следующий уровень. Знаю, какая мощная потенция заложена в наследии Станиславского, Немировича-Данченко и, можно сказать больше, в искусстве театра в наши дни. Потенция, которая явно не используется, не реализуется. Многие, к сожалению, уходят на ветер. Но я абсолютно не согласен с пророчествами и оценками наших критиков, которые иногда больше похожи на счетоводов либо прожестеров. Не считаю наш театр увядающим или не состоявшимся. Рано еще раздавать ярлыки.

— «Современник» начинали молодые актеры. А как вы смотрите на молодежь МХАТа сегодня — есть у нее будущее?

— Тут надо бы иначе ставить вопрос. Если есть будущее у театра, да и будущее есть и у его молодежи — у тех, кто будет серьезно заниматься делом.

— Олег Николаевич, почему в последнее время мы так редко видим Ефремова-актера?

— Как-то не до того было. В «Современнике» я много играл в спектаклях, мною же поставленных. С возрастом начинаешь ощущать, как трудно такое совмещение. С другой стороны, при огромной труппе, которая существовала во МХАТе, мне казалось эгоистичным брать себе какие-либо роли. Раз уж ты главный режиссер, так и ставь спектакли, — этим я и занимался. В прошлом сезоне впервые сыграл чеховскую роль — Астрова в «Дяде Ване». А в «Кабале святош» играю Мольера. Во время работы над этим спектаклем возникали близкие ассоциации в смысле взаимоотношений с труппой, но все равно надо было постигать и постигать образ: что за личность Мольер, что предлагает Булгаков?..

Ну, а сниматься в кино просто некогда. К сожалению. Иногда соглашаюсь, если выпадает приемлем при моем распорядке. Правда, так сложилось, что я никогда не снимался в тех ролях, которые действительно хотелось сыграть. Было много случаев, когда меня звали на определенную роль, а потом снимался другой актер, поскольку я был занят в театре... Вот, закончил съемки у режиссера Самсона Самсонова в фильме «Синее небо; а в нем — облака»; играю хормейстера

Ветлугина, трагикомического героя. Посмотрим, что получится.

— Театр, кино, общественные обязанности. Кроме работы, есть что-то еще в вашей жизни?

— Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо, а иначе как можно было бы вообще существовать? Поэтому — у меня есть друзья, есть и подруги. Есть книги и все остальное. Растут внук и внучка, которых воспитывает моя дочь Настя.

— Что из недавно прочитанного произвело на вас наибольшее впечатление?

— Может быть, что-то я пропустил, но из того, что читал... Публикации, которые были интересными, на первых порах задевали (имею в виду выступления социологов, историков, философов), сейчас немного надоело, — все это я вроде бы уже знаю. Хочется что-то иное читать... С удовольствием перечитывал две вещи: «Жизнь и судьбу» Гроссмана и «Доктора Живаго» Пастернака, — серьезное, громадное впечатление; не просто интересно, не просто «на ночь», а с каким-то смакованием читал!..

— Не возникало ли у вас желания написать книгу воспоминаний?

— Пока нет. В сборниках напечатано несколько статей, составленных из моих выступлений. Чтобы самому что-то писать, нужны время и особый талант. Есть люди, которые хорошо пишут, — иногда читаешь и думаешь: зачем ты режиссер, когда у тебя другое призвание?

— Сегодня широкий размах приобрело студийное движение. Как вы относитесь к этому явлению?

— По-моему, это прекрасно. «Современник» возник в одиночестве. Он «пролез» с трудом, всеми правдами и неправдами. А сейчас люди могут свободно образовывать театры, свободно творить. Недавно группа молодых актеров МХАТа ушла, с моего благословения, в студию «Человек» — выбрали самостоятельный путь.

Впрочем, все студии, за редким исключением, пока «дуют» в одном направлении. Они видят театр достаточно внешний. Ищут занятые формы. Когда станет предьявляться некоторый счет к студийному движению, молодые театры почувствуют большую ответственность. Пусть студии будут разные, и не надо им бояться банкротства. Не получилось — расходитесь! Кто знает, может быть, из студийного движения ничего не выйдет серьезного; но такой путь нужен, это естественный этап в развитии современного театра.

— По вашим стопам пошел сын, Михаил Ефремов, актер и художественный руководитель театра-студии «Современник-2». Близки ли вам его творческие искания?

— Могу сказать, что по характеру Миша не наследник, он ищет дорогу сам. Мне интересны его поиски — когда они связаны не с этажем или желанием удивить, а когда в них есть движение к искусству, в каких бы формах оно ни выражалось.

— Олег Николаевич, несколько лет назад вы высказали идею о реконструкции проезда Художественного театра. Эта идея реализуется?

— Хотелось бы сделать так, чтобы люди стремились сюда не только на спектакль. Чтобы была пешеходная зона. В проезде могли бы располагаться: центр Станиславского, театральный пропагандистский центр, небольшие кафе, салоны художников. Наш проект получил поддержку на форуме социальных новаторов, проходившем в Москве. Надеюсь, в конце концов проезд Художественного театра будет целиком служить интересам театрального искусства.

Гостя расспросил **Вадим ВЕРНИК.**

Фотографировал **Валерий Петербургский.**